

2023-5

а

6577

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.В. Шелохаев

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

РОССПЭН
Москва
2023

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ОТ САЛОНОВ И КРУЖКОВ К ПАРТИЯМ

ГЛАВА 1. Панорама общественной мысли и общественного движения

1. Интеграционные и дезинтеграционные процессы

В отечественной и зарубежной историографии на данный момент проделана большая исследовательская работа по изучению истории генезиса, формирования и эволюции российской общественной мысли и общественного движения в Новое время¹. Учитывая историографические наработки, автор в данном параграфе ставит перед собой задачу дать общую характеристику происходивших в этих двух сферах, в границах которых вначале подспудно, а затем со все большим ускорением шли процессы формирования новых идей и структур, которые должны были соответствовать вызовам времени. Чтобы понять ход следующих рассуждений, необходимо сформулировать ряд исходных положений.

Для понимания процессов генезиса и формирования политических партий в России необходимо учитывать наличие «фермента» – инициативного меньшинства в лице интеллигенции, которая с момента своего появления на общественной арене выступала в роли фактора, провоцирующего вброс в общественное сознание наиболее злободневных политических и социальных идей. Разумеется, и в других странах была собственная интеллектуальная элита, которая выполняла те же функции. Вместе с тем (в зависимости от «места развития») инициативное меньшинство имеет особые, присущие ему свойства и характерные черты, сформированные под влиянием совокупности специфических исторических условий. В данном случае имеется в виду характеристика России как страны «второго эшелона» экономического и социального развития (по сравнению с пере-

довыми западноевропейскими странами); особый тип сложившейся политической системы (неограниченное самодержавие); особая роль государства и его институтов и структур; сравнительно низкий уровень жизни, образования и культуры основной массы населения, что в своей совокупности и обусловило формирование и особых ментальных черт мировидения, мировоззрения и мироощущения инициативного меньшинства.

Позиционируя Россию как европейскую державу, самодержавная власть (прежде всего в лице монархов Петра I и Екатерины II) довольно поздно вступила на путь преобразований, в частности речь идет о предоставлении российскому дворянству личных прав, дающих им возможность самостоятельного выбора профессиональных занятий, об определенных подвигах в сфере экономики. Учитывая заинтересованность власти в грамотных и профессионально подготовленных специалистах, дворянские дети обрели возможность получать образование за границей, где они знакомились с новейшими достижениями различных наук, включая философию, право, историю, а возвратившись на родину, пытались их внедрить в иную социокультурную среду.

Со второй половины XVIII в. в России стали распространяться идеи европейского Просвещения, которые все больше овладевали умами инициативного меньшинства, тесно связанного с европейской культурой. Этот процесс ускорился после победы над Наполеоном, когда русская армия победным маршем прошла по европейским странам, побывала в поверженном Париже. Знакомство с Европой уже не отдельных дворянских юношей, отправленных на учебу за границу, а значительного числа офицерского корпуса и рядовых военнослужащих не могло пройти бесследно.

Одной из характерных черт начавшегося меняться социокультурного ландшафта после победы над Наполеоном стал ускоренный процесс формирования в России интеллектуальной элиты. Конкретным его выражением являлся рост числа лиц, прежде всего из дворянства, вместо административной и военной службы начавших заниматься интеллектуальными видами деятельности. Данная тенденция сохранялась на протяжении всего последующего исторического периода, включая и время формирования российских политических партий. Неслучайно в руководящих органах политических партий всех типов (как будет показано в следующих главах) было немало дворян, некоторые из них взяли на себя лидирующие функции, выступая в роли идеологов и политиков.

Начиная с конца XVIII в. в России появились органы т. н. направленной периодической печати, стала формироваться особая

салонная и кружковая культура общения. В становлении этих новых явлений общественного характера ведущая роль принадлежала представителям инициативного меньшинства, равнодушного к судьбам своей страны, искренне стремящегося к тому, чтобы Россия органически вписалась в общеевропейский контекст исторического развития.

Важно учитывать внутренний и внешний контексты формирования и эволюции этого инициативного меньшинства, которое, с одной стороны, внимательно следило за развитием мировой общественной мысли и общественного движения, с другой – стремилось осмыслить российскую действительность. В этой логике возникает вопрос о формах и методах заимствования западноевропейских идей и опыта. Если учесть, что западноевропейский прогресс реализовывался в комбинированной форме (эволюционной и революционной), то вполне понятен интерес российского инициативного меньшинства к проблеме выбора наиболее эффективной формы реализации данного прогресса применительно к российским реалиям. Разумеется, важно иметь в виду, что восприятие европейского опыта было неоднозначным. Одни были готовы его просто копировать, другие воспринимали его критически и выражали готовность взять из него лишь определенные элементы, третьи считали его неприемлемым для России, настаивали на том, что страна имеет собственный путь развития. Различное восприятие западноевропейского опыта не исключало, а предполагало различные интерпретации прошлого и настоящего собственной страны, различные версии ее гипотетического будущего.

Вычленив «инвариантное ядро» будущих идеологий, следует иметь в виду, что они были неоднородны. Это вполне естественный процесс различного «прочтения» и прошлого, и настоящего, и тем более прогнозирования будущего своей страны. При этом важно учитывать не только различный интеллектуальный уровень представителей инициативного меньшинства, но и такие присущие им качества, как положение в обществе, личный темперамент и т. п.

Конкретно-исторические условия российской действительности порождали и такие характерные черты, присущие всем течениями и направлениям инициативного меньшинства, как непримиримость и жесткость во взаимоотношениях, резкость и беспепелляционность в суждениях, отсутствие склонности к компромиссам. Разумеется, многие из этих качеств были присущи и западноевропейским интеллектуалам, но российская действительность способствовала их гипертрофии.

Как отмечалось ранее, инициативное меньшинство со второй половины XVIII в. сначала робко, но со временем все настойчивее стало

подавать свой голос в ходе обсуждения актуальных проблем российской действительности в периодической печати, публицистических и художественных произведениях. На первых порах акцент в них был сделан на выявление «болевых точек» этой действительности (крепостное право, положение податных сословий, отсутствие гражданских прав и политических свобод). Однако эти попытки отдельных представителей инициативного меньшинства в штыки воспринимались властями, усмотревшими в этом пагубное влияние идей и практик Французской революции.

После наполеоновских войн представители инициативного меньшинства приступили к формированию нелегальных организационных структур (Северное и Южное общества декабристов). Идеологи этого меньшинства, в частности П.И. Пестель и Н.М. Муравьев, разработали два различных варианта общественного переустройства России². Осмысление этих конституционных вариантов раскрывает их идейные истоки, содержание и направленность. Декабристы одними из первых опробовали на практике эффективность созданных ими тайных обществ – предприняли попытку военного переворота, что стало первым опытом вброса в общественное сознание целого комплекса идей, возможных методов и средств их реализации в условиях «военной муштры» и «идеологической дисциплины», характерных для самодержавного режима.

Выступление декабристов постигла неудача, но они одними из первых начали «перепахивать» российский общественно-политический ландшафт и для последующих поколений представителей радикального и либерального инициативного меньшинства стали символом борьбы против авторитарного режима за свободу и справедливость.

С небольшим интервалом в России стало формироваться и консервативное направление общественной мысли, представители которого приступили к разработке собственного варианта преобразования страны на принципиально иных идейно-политических основаниях. Сущность «ядра» их идеологии четко выражена в триаде «Православие, Самодержавие, Народность». С одной стороны, это была антитеза идеям европейского Просвещения и Французской революции, с другой – протест против формирования радикализма и либерализма на российской национальной почве. Уже в николаевскую эпоху в России в недрах формирующейся общественной жизни проявились три основных направления общественной мысли – радикальное, либеральное, консервативное. Именно такая цепочка (слева – направо) являлась тенденцией на протяжении всей последующей истории общественной мысли и общественного движения в России.

В 1830–1850-е гг., когда официальная идеология, всемерно подерживаемая самодержавной властью, проникала во все поры общественной жизни, представители нового поколения радикального и либерального инициативного меньшинства активизировали поиски ответов на все усложняющиеся вопросы российской действительности. В «глухие» годы николаевского режима представители радикального направления общественной мысли и общественного движения действовали в глубоком подполье, либерального – публично, причем власть их поощряла. На первый план в это время вышли представители именно консерватизма, которые с университетских кафедр и со страниц периодической печати на разные лады внушали мысль об особом историческом пути развития России, благодетельной роли неограниченного самодержавного режима, благодати патернализма государства и его институтов³.

Однако «официальная идеология» не могла удовлетворить новое поколение молодежи, которое, создавая небольшие подпольные кружки, продолжало вести поиски иных ответов на вызовы времени. Эти кружки стали подлинными лабораториями разработки целого комплекса идейно-политических проблем, поисков адекватных им организационных форм общественной консолидации. В недрах нелегальных кружков разворачивались острейшие дебаты о прошлом, настоящем и будущем России, обсуждались различные варианты ее общественного переустройства. При этом были задействованы новейшие достижения западноевропейской общественно-политической мысли, опыт европейских революций. Несмотря на то что эти подпольные кружки были малочисленными, периодически они подвергались разгрому, а их участники – арестам и ссылкам, тем не менее они способствовали расширению круга участников общественного движения, будили дремавшую общественную мысль и способствовали развитию общественного движения.

Еще в дореформенные годы общественная мысль в России совершила гигантский рывок. В кружковые и салонные дискуссии были вплетены и новейшие темы западноевропейской общественной мысли, и поиски ответов на вопросы российского бытия, и попытки найти «социальную полочку» для вывода страны из кризиса. В кружках и салонах «обкатывались» варианты будущего развития России. При этом звучали и оптимистические, и пессимистические нотки, здравый смысл соседствовал с утопиями. И тем не менее данный период был важен для дальнейшего формирования основных направлений общественной мысли и общественного движения, которые приобретали определенные контуры, становились общественно узнаваемыми. В отечественной и зарубежной историографии подробно освещены

такие направления общественной мысли, как западничество и славянофильство, которые представляли собой различные варианты подхода к осмыслению исторического прошлого, настоящего и будущего России, различные пути и методы разрешения кризисов⁴.

Реформы 1860–1870-х гг. расширили каналы влияния инициативного меньшинства на формирование общественного мнения. Новая реальность требовала новых подходов к ее осмыслению, новых организационных форм общественной консолидации⁵. Следует отметить, что в пореформенный период ряды инициативного меньшинства, ядром которого продолжали оставаться представители дворянства, пополнялись разночинцами. С одной стороны, это расширяло диапазон общественного пространства, с другой – стимулировало разработку более широкого круга идейно-политических и социально-экономических проблем российской действительности, а также поиски новых организационных форм.

В 1870-е гг. радикальные представители инициативного меньшинства приступили к созданию нового типа организаций («Земля и воля», «Союз южных рабочих», «Союз северных рабочих»), которые предприняли попытку выйти за рамки кружковой деятельности. Они приступили к агитационно-пропагандистской работе в тех социальных стратах, которых стремились привлечь на свою сторону. Неудача хождения в народ заставила представителей радикального меньшинства пересмотреть свою тактику, совершенствовать формы организации. Вместо единой организации «Земля и воля» возникли две параллельно действующих организации «Черный передел» и «Народная воля». Первая из этих организаций сохранила свое основное направление деятельности – пропаганда среди крестьян и их организация, хотя и изменила методы своей работы. Вторая организация приступила к подготовке террористических актов против царя и высшей администрации. В свою очередь, союзы рабочих расширили диапазон своей агитационно-пропагандистской работы среди различных слоев формирующегося пролетариата. Опыт «хождения в народ» и деятельность народников среди рабочих стали проверкой на практике их идеальных представлений об «абстрактном» народе. Было очевидно, что, совершив «хождение в народ», разночинцы на собственном, хотя и краткосрочном, опыте убедились в том, что раскачать крестьян на борьбу с самодержавием дело не столь простое, как им первоначально казалось. Изменив методы своей пропагандистской деятельности в крестьянстве, перейдя от «летучей пропаганды» к «поселением», они решили расширить свою деятельность, распространив ее и на рабочих, которые в их представлении были

теми же крестьянами, но несколько более образованными, а также на демократические слои, прежде всего студенчество⁶.

1860–1870-е гг. стали важным этапом для либералов и консерваторов. Инициативное меньшинство из либеральной среды, накануне и на первом этапе реформ с надеждой взирающее на преобразования «сверху», позволявшие, по их мнению, избежать кровавого опыта западноевропейских революций, намеревалось воспользоваться новой ситуацией и убедить власть продолжить реформаторскую деятельность. В либеральной печати и салонах обсуждались варианты преобразований в сфере права и политики. Либеральные теоретики большое внимание уделяли проблемам гражданских свобод, местному самоуправлению, расширению каналов доступа общественных сил к обсуждению актуальных политических, экономических, социальных вопросов, межнациональных и конфессиональных отношений, проблем внешней политики. Одновременно в либеральных кругах обсуждались вопросы распространения местного самоуправления на всю Россию, а также проблемы народного образования и культуры. Однако коренная проблема – реформирование политической системы, ограничение самодержавия и введение конституционного образа правления – ставилась и рассматривалась через призму решения данного вопроса в передовых западноевропейских странах и как еще далекая для России перспектива. Вместе с тем обращение либералов к опыту политических трансформаций в Западной Европе способствовало распространению и усвоению западноевропейских правовых учений и конституционных идей, опыта деятельности западноевропейских интеллектуальных элит в широких слоях российской обществу. Если вопрос о введении в России конституции вызывал среди российских либералов дискуссию, то обсуждение необходимости расширения гражданских свобод, закрепления их в законодательстве, распространения местного самоуправления на всю Россию, расширения его компетенции стало в их кругу повсеместным.

Активизировались и представители консервативного направления. С одной стороны, они не могли явно противостоять реформам, проведенным «сверху», с другой – не хотели отказываться от прежней системы представлений – об особом пути развития России. В трудах консерваторов, их многочисленных журнальных и газетных статьях обществу транслировались идеи о «благости» самодержавной формы правления, необходимости сохранения сословной структуры общества, неприкосновенности частной собственности. Консервативные идеи об «идеальном самодержавии», его неразрывной «связи с народом», «благодетельной» роли дворянства как опоре престола, о сохранении его собственности на землю и его роли в органах местного

управления получали одобрение и материальную поддержку со стороны самодержавия. Несмотря на то что самодержавная власть временами «журила» наиболее ретивых идеологов консерватизма за их нелюбезные высказывания в адрес правящей бюрократии, тем не менее она, как правило, поощряла распространение их идей, не забывая при этом делать финансовые вливания для поддержки органов консервативной печати⁷.

Со временем становилось все яснее, что реформы 1860–1870-х гг. не привели к консолидации российского общества. Более того, реформы, хотели этого их инициаторы или нет, еще резче обозначили границы между основными направлениями общественной мысли и общественного движения, не оставив надежд на их сближение. Идеинная борьба становилась одним из факторов дестабилизации, провоцировала нарастание противоречий во всех сферах жизни. После неудачного опыта хождения в народ наиболее радикальная часть инициативного меньшинства вступила на путь террористической борьбы против самодержавного режима, устроив настоящую охоту на Александра II. Седьмое по счету покушение на царя закончилось 1 марта 1881 г. его убийством. Либералы отнеслись к убийству царя-освободителя неоднозначно. В их среде нашлись те, кто не отрицал террор, другие его осуждали; третьи относились к нему к нему индифферентно. В свою очередь, консерваторы заявили себя противниками террора. Более того, некоторые из них приняли участие в организации и деятельности «Священной дружины», готовой принять «решительные» меры против террористов.

После убийства отца новый император Александр III принял решение скорректировать его реформаторский курс. Причем коррекция коснулась практически всей линейки реформ 1860–1870-х гг., затронув управление государственное и местное, судопроизводство, высшую школу и периодическую печать. Усиление роли т. н. административного начала способствовало изменению протестных общественных форм и привело к углублению интеграционного процесса в общественной мысли и общественном движении. Перестройка общественного ландшафта обусловила трансформацию традиционных и появление новых направлений общественной мысли. В недрах славянофильского направления зародилось неославянофильство, либерализма – неолиберализм, марксизма – «легальный марксизм». Все это вызвало необходимость изменений в области тактики поведения и организационных форм самовыражения.

В консервативной, либеральной и радикальной печати, кружках разной идейно-политической направленности обсуждался комплекс проблем, связанных с общей оценкой вектора и уровня экономиче-

ского и социального развития страны, положения социальных страт и перспективы их эволюции, ролевых функций различных общественных сил. В логике подобных размышлений шла разработка моделей преобразования страны. Так, неославянофилы, прочно связав свою судьбу с органами местного самоуправления, стали больше уделять внимание формированию общественного мнения и консолидации земских сил, которые предполагалось использовать в качестве рычага давления на местную и центральную администрацию. Помимо традиционных утверждений об особом историческом пути России, особом предназначении (миссии) самодержавной власти, «гармонии» между монархом и народом, неославянофилы обращали внимание общества на повышение роли местного самоуправления в разработке и принятии общегосударственных решений.

В свою очередь, нелибералы предлагали иную модель взаимоотношений между властью и обществом. Значительно расширив круг требований в области прав и свобод граждан, они выступили с требованиями введения конституции и народного представительства. В отличие от представителей классического либерализма, нелибералы больше внимания стали уделять решению социальных проблем – аграрного и рабочего вопросов.

Весьма непростое время переживал весь спектр радикальных общественных сил. В ходе дальнейшей дифференциации в народнической среде революционное народничество (прежде всего народовольческого толка) трансформировалось в неонародничество. Одновременно в недрах народничества стало формироваться реформаторское направление – легальное народничество⁸.

Сложные процессы имели место и в рядах инициативного меньшинства, разделявших марксистские идеи. Наряду с марксистами-ортодоксами, в марксистской среде появилось новое течение – «легальный марксизм», представители которого, восприняв новые тенденции в германской социал-демократии (в частности, идеи Э. Бернштейна), выступили против марксистской ортодоксии, признав ее устаревшей и не соответствующей новым тенденциям в развитии капитализма. Все это вместе взятое на рубеже веков привело к обострению идейного противостояния между направлениями общественной мысли и общественного движения в России.

2. Идеиное противостояние

С учетом наработок в отечественной историографии необходимо в сублимированном виде раскрыть суть идейного противостояния в среде российского инициативного меньшинства.

С одной стороны, накал идейных разногласий в российской интеллектуальной элите объясняется прежде всего комплексом объективными причинами, связанными с особенностями исторического развития России. В свое время выдающийся российский философ и историк М.Я. Гефтер ввел в научный оборот понятие «Россия – мир-миров», которое является «методологическим ключом» для всестороннего раскрытия особенностей исторического развития России, для определения ее места в системе международных координат. Гефтеровская идея о переплетении и взаимопроникновении разных уровней укладов (экономического, социального, политического, культурного, ментального), встретившая резкое неприятие официальной советской историографии, представляется весьма продуктивной для раскрытия исторических особенностей развития России, включая и особенности формирования политических партий. Эти особенности порождали множество интерпретаций прошлого, настоящего и будущего России. Поэтому в России не могло быть и единого общественного мнения. Дисперсными в России были и общественная мысль, и общественное движение, и формирующееся протопартийное, а затем и партийное пространство. Характерными чертами инициативного меньшинства в России являлась не просто полифоничность, но с одной стороны, размытость, с другой – причудливое переплетение несовместимых идей; монологизм, жесткость в навязывании своих взглядов, которые считались единственно правильными.

Опираясь на положения коллективного труда «Модели переустройства России», следует остановиться на раскрытии содержания и направленности этих моделей. Так, суть консервативного направления общественной мысли (с учетом трансформации славянофильства в неославянофильство) сводилась к вычленению особых черт и свойств, генетически и исторически присущих России, которые позволяли им говорить об особом пути (или типе) исторического развития. Эта общая посылка предопределяла их оценки политического режима, сословной общественной иерархии, места и роли русского народа, его мировидения и мироощущения, места и роли православия и Православной церкви. Обращение консерваторов к западноевропейской комбинированной модели (эволюция – революция) являлось для них антитезой для обоснования своей идеи о том, что Россия развивается по иному варианту (типу) исторического развития. В контексте подобного рода размышлений акцент был сделан на особой форме государственной власти (неограниченное самодержавие), на особой роли Православной церкви (первенствующая среди других конфессий), на особой роли русского народа (главенствующий среди других народов, населяющих империю). По мнению идеологов кон-

серватизма, предложенная ими триада «Православие, Самодержавие, Народность» должна была служить той идеологической матрицей, которая позволяет определить черты особого исторического пути развития России. Не отрицая достижений европейских стран в области науки, просвещения и культуры, идеологи консерватизма были убеждены в том, что государство в России вполне может (при неразвитости общественных институтов) сыграть во всех сферах жизни позитивную роль, позволяющую организовать производственную и общественную жизнь в стране, достичь повышения жизненного уровня народа. Причем это, по мнению консерваторов, может реализоваться без революционной ломки всей системы общественных отношений, с сохранением традиционных укладов, без изменения социокультурного кода страны, морально-нравственных основ народного самосознания.

Преграду в достижении своих целей (и, разумеется, мечтаний) консерваторы усматривали в бюрократии, игравшей роль «средостения» между монархом и народом. В ликвидации этого «средостения» они видели свое историческое предназначение. Решить эту проблему они предлагали по преимуществу эволюционным путем, шаг за шагом расчищая «завалы», созданные бюрократией, на пути единения монарха и народа. При этом следует иметь в виду, что, не отрицая необходимости совершенствования правовых и юридических норм, консерваторы (особенно славянофилы) делали акцент на морально-нравственном совершенствовании. Неслучайно даже неославянофилы любили ссылаться на времена земских соборов, какое-то время настаивая на возрождении их на всем протяжении не только XIX в., но и в начале XX в. Вместе с тем, учитывая опыт местного самоуправления, консерваторы неоднократно предлагали использовать земских деятелей в Государственном совете, а также в структурах центрального и местного управленческого аппарата. Постепенное инкорпорирование профессионалов из местных органов самоуправления со временем позволило бы вытеснить бюрократию из управленческих государственных институтов и структур, сняв при этом средостение между монархом и народом, восстановив между ними былую морально-нравственную связь. Как мы увидим далее, консерваторы не отрицали возможности законосовещательного народного представительства, а после издания Манифеста 17 октября 1905 г., поворчав, стали участвовать в работе Государственной думы и Государственного совета, получивших статус законодательных органов.

Более настойчиво и последовательно консерваторы высказывались за реформирование местных управленческих, и особенно самоуправленческих структур. Так, они настаивали на распространении

местного самоуправления на всю территорию страны, на его дальнейшее «укоренение» в народной толще (церковный приход, мелкая земская единица – волостное земство), что позволило бы, по мнению неославянофилов, привлечь к их работе крестьянские массы, фактически отстраненные от принятия решений в уездных и особенно губернских земствах. Одновременно консерваторы настаивали на расширении компетенции органов местного самоуправления, на избавление их от мелочной опеки местной администрации. Подобного рода мероприятия в области преобразования органов местного самоуправления должны были, по их мнению, способствовать, во-первых, ликвидации административных препонов между монархом и народом; во-вторых, гармонизировать взаимоотношения между сословиями; в-третьих, облегчить разрешение межнациональных и конфессиональных вопросов; в-четвертых, способствовать развитию экономики, народного образования, распространению культуры. По сути, речь шла о реализации глубинной консервативной идеи о том, что «проросшее снизу зерно» местного самоуправления создаст благоприятные условия для восстановления прежней (как встарь) гармонии между верховной властью и народными массами.

Не отрицая западноевропейских достижений в области развития экономики и инфраструктуры, консерваторы тем не менее обращали внимание на специфику экономического развития России, которую они усматривали в необходимости всесторонней поддержки ее аграрного сектора, в котором трудилась основная масса населения страны. Выступая за сохранение традиционных форм собственности в аграрном секторе [прежде всего дворянского (частновладельческого) и крестьянского (общинного) землевладения], консерваторы настаивали на том, что государство должно поддерживать сельское хозяйство. При этом речь шла о различных формах кредитования сельскохозяйственного производства, агрономической и ветеринарной помощи, а также о переселении крестьян в малонаселенные российские территории (Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию, Закавказье, Северный Кавказ). По мнению консерваторов, это в какой-то мере могло «снять» остроту аграрной проблемы (малоземелье и безземелье) в Центральной России, которая была постоянным источником напряженных и даже конфликтных отношений между помещиками и основной массой крестьянства. При помощи переселений (не только крестьян, но и помещиков) можно было укрепить «русский элемент» в регионах со смешанным и «иностранческим» населением. Одновременно освоение окраин Российской империи позволило бы укрепить ее обороноспособность.

Реформирование сельского хозяйства рассматривалось консерваторами в контексте реализации целой системы других мероприятий. Так, консерваторы большое внимание уделяли различным формам кооперации (общества взаимопомощи, агрономические, медицинские и ветеринарные пункты, товарные склады), созданию разветвленной инфраструктуры (грунтовые и шоссейные дороги, подъездные пути, элеваторы).

Выступая против хищнических форм капитализма в аграрном секторе российской экономики, консерваторы критически воспринимали и создание монополий (концернов и синдикатов) в промышленной сфере. По их мнению, капиталистические отношения в промышленности должны «прорасти» на базе традиционных форм – мелкой и кустарной промышленности, которые должно поддерживать государство. Особую тревогу у консерваторов вызывала монополистическая концентрация промышленного производства в крупных городах, порождавшая конфликты между предпринимателями и рабочими. Более того, по мнению консерваторов, отходничество в городах приводит к разрушению традиционных взглядов и наносит вред не только физическому здоровью отходников, но еще в большей степени нравственным основам их миропонимания. Однако, учитывая реальное положение, консерваторы настаивали на том, чтобы государство активно вмешалось в «рабочий вопрос», приняло законодательные меры по ограждению рабочих от корыстных поползновений предпринимателей (сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, улучшение жилищных условий, организация школ и досуга).

Большое внимание консерваторы уделяли вопросам народного образования, которое должно базироваться на принципах православия, иметь практическую и воспитательную направленность. Неизменно подчеркивая роль и значение государственного русского языка, консерваторы не отрицали важности сохранения национальных традиций многочисленных народов, населяющих Российскую империю.

В целом миропонимание, мировоззрение и мироощущение представителей консервативного инициативного меньшинства определялись их пониманием исторического прошлого, настоящего и будущего России, являлись одной из попыток определить ее место в системе международных координат, наметить перспективы ее дальнейшего развития⁹.

Иные принципы лежали в основе либерального направления. Разделяя просвещенческую идею поступательного общественного прогресса, идеологи либерализма рассматривали Россию в контексте западноевропейского варианта исторического развития, причем

представители неолиберализма не исключали комбинированного варианта – эволюционного и революционного. Разумеется, идеологи либерализма не снимали проблему особенностей развития страны (милюковская концепция «место развития»), однако для них определяющими являлись общие закономерности эволюции передовых западноевропейских стран, которые считались флагами общемирового общественного прогресса. Эта исходная идея определяла и круг тех проблем, которые предстояло определить и разрешить применительно к российской действительности, определив «болевы точки», которые тормозили развитие России в западноевропейском русле. В отличие от идеологов консерватизма, считавших российскую монархическую государственность идеальной конструкцией (не только для прошлого, но и будущего), либеральные идеологи настаивали на коренной трансформации неограниченного самодержавия в более приемлемую европейскую форму государственного устройства, что, по их мнению, в большей степени отвечает вызовам времени. Известно, что в среде либеральных идеологов были сторонники различных типов государственного устройства (конституционная монархия, конституционно-парламентский и даже республиканский государственный строй). Однако все они сходились в том, что неограниченное самодержавие является пережитком и не соответствует потребностям современного общественного развития.

Несмотря на признание множественности форм государственного устройства, идеологи либерализма являлись сторонниками конституционного устройства. В проекте Основных законов, разработанном группой выдающихся российских юристов и опубликованном в 1904 г., четко сформулированы исходные конституционные принципы, на которых должно базироваться в будущем государственное устройство России, закреплены гражданские и политические права и обязанности ее граждан, обстоятельно описаны функции и компетенции народного представительства. При этом важно отметить, что в данном проекте Основных законов был сформулирован один из базовых принципов неолиберализма – права и свободы личности, которые признавались неотъемлемыми и способствующими созданию предпосылок и условий для всестороннего раскрытия ее творческого потенциала. Эта посылка предопределяла и общую конструкцию конституционного государственного устройства, и систему остальных мер, направленных на обеспечение реализации творческих потенций личности.

В отличие от консерваторов, делавших ставку на сохранение монархического режима, в либеральной среде имели место разные мнения относительно сохранения института монархии. Одни пред-

ставители либерального инициативного меньшинства (либералы-консерваторы и отчасти центристы) признавали необходимость сохранения монархии, мотивируя это тем, что большинство народа (особенно крестьянство) продолжает сохранять монархические иллюзии, поэтому требуют уничтожения этого института преждевременно. Другие (прежде всего центристы), не возражая против принципа монархизма, тем не менее считали необходимым зафиксировать в конституции права и обязанности монарха в условиях существования народного представительства. Для сторонников подобного понимания монархизма в качестве идеала выступала английская монархическая политическая система. Вместе с тем среди представителей нелиберализма (левое крыло «освобожденцев») были последовательные сторонники республиканского типа государственного устройства. Для либералов от решения вопроса о сохранении принципа монархизма зависело то, каким будет народное представительство – однопалатным или двухпалатным, в зависимости от условий допускалась возможность постепенного перехода от законосовещательного к законодательному типу народного представительства.

Важно отметить, что российские либералы (в том числе и новой генерации) выступали за сохранение унитарного государственного устройства страны, допуская право разных народностей на культурно-национальную автономию. Вместе с тем при определенных обстоятельствах они допускали введение национально-территориальной автономии. Дискуссионным оставался вопрос о сохранении Польши и Финляндии в составе России. Либералы-консерваторы выступали против предоставления Польше и Финляндии права выхода из империи, считая возможным предоставить им особый статус национально-территориальной автономии. Либералы-центристы и либералы-радикалы считали оптимальным предоставление народностям, населяющим Россию, культурно-национальной автономии.

В отличие от консерваторов, настаивавших на сохранение традиционной сословной системы отношений, идеологи либерализма, взяв за основу принцип прав и свобод граждан независимо от национальности, вероисповедания и пола, считали необходимым сформировать в России современное гражданское общество. В этой логике подлежала реформированию вся система центрального и местного управления и самоуправления.

Логика реформирования политической системы и создания основ гражданского общества требовала изменений и в вопросе о собственности. Последовательно выступая за сохранение и распространение частной собственности капиталистического типа, идеологи либерализма считали необходимым внести коррективы в традиционные

формы собственности – помещичью и крестьянскую. Выступая за сохранение помещичьей собственности капиталистического типа, либералы настаивали на частичном отчуждении помещичьей собственности полуфеодального типа за выкуп и передачу ее крестьянам. С учетом местных условий крестьяне могли наделяться землей по потребительской или трудовой норме. Либеральные идеологи не скрывали, что они намерены провести, правда, в гораздо большем масштабе и на иных принципах аграрные преобразования типа реформы 1861 г. Вместе с тем они отдавали себе отчет в том, что аграрные отношения за 40 лет оказались настолько запутанными, что, учитывая разнообразные региональные особенности страны, будет трудно найти оптимальный вариант решения аграрно-крестьянского вопроса. Но эффективным средством для этого, по их мнению, должно стать активное вмешательство государства во все сферы сельской жизни.

С одной стороны, государство, как это имело место в 1861 г., должно взять на себя обязательство провести за счет казны выкуп отчуждаемой помещичьей земли по «справедливой оценке», с другой – предложить систему мер, направленных на поддержку крестьянского хозяйства. Прекрасно понимая, что аграрный вопрос в России является одним из самых трудных, но его решение объективно назрело, либеральные идеологи решились пойти на частичное принудительное отчуждение и перераспределение помещичьей земельной собственности, рассчитывая тем самым снять напряжение в отношениях между помещиками и крестьянами и создать предпосылки и условия для развития современного сельскохозяйственного производства как неперемного фактора роста благосостояния большинства населения, стабильного экономического развития. Решение аграрно-крестьянского вопроса должно было сопровождаться преобразованиями в остальных сферах деревенской жизни (управление и самоуправление, эффективность сельскохозяйственного производства, инфраструктура и проч.).

Учитывая существующие противоречия между господствующими стратами и основной массой трудового народа, многократно отягощенные спецификой реализации пореформенного модернизационного процесса, либеральные идеологи прекрасно осознавали, что без решения социальных проблем невозможно сформировать стабильное гражданское общество, придать ему импульс для дальнейшего развития, но при этом избежать социальной революции. Важно иметь в виду, что, не сбрасывая со счетов возможность (при неуступчивости самодержавного режима) политической революции, все направления либерализма, включая нелибералов, были последовательными противниками революции социальной. При помощи комплекса социальных реформ они намеревались ее во что бы то ни стало предотвратить.

Разумеется, представители различных направлений в либерализме по-разному понимали объем социальных уступок трудящимся массам, но следует признать наличие в либеральной среде не только сторонников политического, но и социального демократизма. В сублимированном виде речь шла о комплексе реформ в области рабочего вопроса, в этом неолибералы мало чем отличились от неонародников и марксистов. Выше уже говорилось о путях решения аграрного вопроса.

При разработке социальных проблем либералы не ограничились рабочим и аграрно-крестьянскими вопросами. Они предлагали целый пакет социальных мер для различных категорий служащих (торговых, промышленных, железнодорожных, почтово-телеграфных, банковских, конторских и др.), для учителей начальной и средней школы, для низших категорий священнослужителей и т. д. Большое внимание идеологи либерализма уделяли вопросам народного образования, считая повышение образовательного уровня народных масс, одним из важных факторов формирования гражданского общества. В целом же их наработки способствовали формированию определенной части общественного мнения¹⁰.

В отечественной историографии подробно проанализирована логика развития идейных процессов, имевших место в неонародническом и социал-демократическом сегментах общественной мысли и общественного движения¹¹. Учитывая результаты этих исследований, следует обратить внимание на те проблемы, которые важны для раскрытия замысла данной монографии. При этом важной представляется констатация факта дальнейшей дифференциации внутри перечисленных сегментов. Так, в народничестве еще в 1880–1890-х гг. стали формироваться два направления – либеральное (реформаторское) народничество и неонародничество, придерживавшееся революционных традиций «Народной воли» и активно использующее новейшие воззрения германской и австрийской социал-демократии. В российской социал-демократии также сложилось два идейных направления – «легальный» и революционный марксизм, между которыми шла идейная борьба. При характеристике базовых идейных основ названных направлений важно выделить главную проблему, вокруг которой развернулись острейшие дискуссии, все дальше разводившие народников и марксистов друг от друга. Речь идет о понимании дальнейшей судьбы капитализма в России. То, как понимался этот путь, предопределяло оценку расстановки общественных сил в России как целого, роль и место социальных страт в борьбе с самодержавным режимом, перспективы революции, ее характер.

Соглашаясь со своими предшественниками в том, что различия в методологии анализа российской действительности во многом предопределяли итоговые выводы участников дискуссии о судьбах развития капитализма в России, необходимо отметить, что те и другие столкнулись с задачей осмысления запутанных и переплетенных друг с другом проблем пореформенного развития России. Распутывание, образно говоря, клубка ниток, с которым играл котенок, было не просто сложной задачей, это был напряженный процесс, который привел к резкому обострению дискуссий между представителями народнического и марксистского инициативного меньшинства.

Учитывая негативный опыт хождения в народ, представители легального (реформаторского) народничества приступили к реализации программы «малых дел». Эта программа предусматривала, образно говоря, выполнение работы крота по созданию подземных ходов и коммуникаций, которые должны были в конечном счете привести к формированию общественного мнения и созданию соответствующих материальных сил для медленной трансформации всей системы общественных отношений сначала к максимально возможной демократизации, а в перспективе – к социализму. Не отказываясь от своего идеала (социализма), либеральные народники, учитывая логику пореформенного развития страны, в том числе и появление нового, капиталистического уклада, считали возможным задействовать его в интересах будущего, что, по их мнению, позволяло осуществлять эволюционную трансформацию всей системы общественных отношений. Идею «вываривания» в «котле капитализма» рабочих и крестьян (в общем и целом) разделяли и легальные марксисты. Еще раз подчеркнем, что ни легальные народники, ни легальные марксисты не отказывались от своего конечного идеала – социализма, лишь отодвигая его на отдаленную перспективу. По сути, это означало признание теми и другими объективной необходимости (исторической неизбежности) периода капиталистического развития России как подготовительного этапа для будущей его эволюционной трансформации в новую историческую стадию – в социализм.

Иную оценку формирования капиталистического уклада предлагали идеологи неонародничества, делавшие акцент на выделении в нем положительных и отрицательных сторон, то есть способствующих общественному развитию в нужном русле или тормозивших его соответственно. Конечно, трудно возражать против абстрактного выделения положительных и отрицательных сторон исторического явления, ибо они в той или иной пропорции в нем присутствуют. Проблема, разумеется, состояла прежде всего в том, что такое выделение положительных и отрицательных сторон капитализма неонародники

экстраполировали на отрасли народного хозяйства – промышленную и аграрную, за каждой из которых стояли определенные социальные и общественные силы. В конечном итоге такой подход идеологов неонародничества привел их к вычленению двух трансформационных этапов развития в зависимости от отраслевого принципа капиталистического уклада: в сфере промышленного производства и аграрного производства и связанных с ним социальных сил – рабочих и крестьян соответственно. В первом случае капитализм выполнял свою позитивную роль, в том числе «вываривая» рабочих в котле «коллективного производства» и «коллективного общежития», а также в «котле» городской культуры. Во втором случае капитализм выполнял сугубо негативную роль, разрушая крестьянскую общину, нанося вред крестьянскому коллективистскому миросозерцанию. С логической неизбежностью подобного рода абстрактные рассуждения приводили к выводу о необходимости ликвидации капитализма в аграрном секторе, осуществлению социализации земли, ликвидации товарно-денежных отношений и переходу к коллективным (общинным) формам производства и продуктообмену. В свою очередь, в промышленной сфере капиталистические отношения продолжали определенный период оставаться.

Разумеется, что идеологи неонародничества были не столь наивны, чтобы такой симбиоз капиталистических и социалистических отношений мог сложиться при данной системе общественно-политических отношений, при господстве самодержавного режима. Поэтому они продолжали оставаться сторонниками насильственного государственного переворота, демократической федеративной республики, реализации комплекса демократических мер, затрагивавших все сферы жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Идеологи неонародничества разделяли единый революционный процесс на два этапа – демократический и собственно социалистический. Именно в ходе демократического этапа, по их мнению, под контролем революционно-демократической власти и могла реализоваться их идея «конструктивного социализма», когда социалистические отношения, также поэтапно, сначала должны охватить сельское хозяйство и основную массу населения России – крестьянство, а только затем, опять же путем демократизации промышленного капитализма, социалистические отношения утвердились бы и в городе. Конечно, это была утопическая модель, но на определенном этапе она имела известный мобилирующий характер. Дело в том, что неонародники делали ставку на весь «трудовой народ», включая крестьян, рабочих и интеллигенцию. Парадоксальность неонародничества состояла и в том, что при всех дифирамбах в адрес рабочего класса основ-

ным «кротом», «вслепую роющим ходы» к социализму, все же было многомиллионное крестьянство. Благодаря традиционным формам организации труда и быта (община), миросозерцательным представлениям о правде и справедливости крестьянство должно было стать «пионером» в движении к социализму.

Разумеется, неонародники прекрасно видели, что в среде крестьянства идет социальная дифференциация, которая подтачивает его традиционные формы существования, но все равно они отдавали ему приоритет в деле продвижения к социализму. Подчеркивая по преимуществу деревенское происхождение основной массы рабочих, неонародники, учитывая эту генетическую связь, были уверены в том, что рабочие не только поддержат своих деревенских собратьев в их стремлении первыми пробить брешь в капитализме, но и выполнят цивилизаторскую роль в пропаганде социалистических идей среди широких крестьянских масс. Некоторая «задержка» с введением социалистических отношений в городе, разумеется, не снимала проблему подготовки рабочих к социалистическим преобразованиям через реализацию системы демократических мер, предлагаемых неонародниками. Речь шла о постепенном внедрении в демократизированный «городской капитализм» коллективистских форм самоорганизации рабочих (профсоюзы, кооперативы, разного рода союзы и общества совместного производства, распределения и потребления).

Особую роль в триаде «трудовой народ» неонародники отводили демократической интеллигенции. Идеи Н.К. Михайловского о роли и месте в историческом процессе «критически мыслящей личности» органически вплетались в ткань идеологических представлений неонародников, играя одновременно систематизирующую роль в упрощении их триады «трудовой народ». Интеллигенция представлялась в качестве фермента, активизирующего всю триаду. Все три социальные страты должны были стать движущими силами и демократического, и социалистического этапов революции в России.

Острая полемика вокруг проблемы развития капитализма в России развернулась между «легальными марксистами» и приверженцами ортодоксальной марксистской теории о закономерности и неизбежности смены общественно-экономических формаций. Суть спора состояла в следующем. «Легальные марксисты» считали, что капитализм в России выполняет цивилизаторскую роль, что уровень и степень концентрации производства и рабочей силы еще далеко не достиг того предела, за которым должно следовать его снятие и переход к социализму. Из этой оценки уровня развития капитализма в России вытекали их последующие рассуждения о том, что между демократическим и социалистическим этапами развития должен быть

определенный интервал. Наличие демократического этапа развития капитализма предполагало эволюционную его трансформацию в социализм. Несколько иначе к вопросу об определении степени «зрелости капитализма» в России и, следовательно, интервалов между двумя этапами (демократическим и социалистическим) развития революционного процесса в России подходили ортодоксальные марксисты. Между ортодоксами (типа Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, Ю.О. Мартова и Л.Д. Троцкого) имели место существенные разногласия и прежде всего относительно перспектив социалистической революции в России, выбора союзников рабочего класса на том или ином этапе революционного процесса. Дискуссии по этим и другим вопросам то обострялись, то затихали, однако важно иметь в виду, что они вполне укладывались в общую партийную программу, которая оставалась неизменной до 1917 г.

Как видим, в общественной мысли и общественном движении России существовало три основных модели преобразования России, которые, в свою очередь, предопределили наличие трех основных тактик, которые будут рассмотрены далее.

3. Вариативность тактик

Понятие «тактика» означает, во-первых, набор форм и методов для достижения теоретически сформулированных проекций общественного переустройства России; во-вторых, определение параметров взаимоотношений между своими реальными или гипотетически возможными союзниками, в-третьих, способствует самоопределению в протопартийном, а затем и собственно партийном пространстве.

Сформулированные консерваторами цели и задачи общественно-го переустройства, а точнее, коррекции существующего строя предполагалось решить в рамках самодержавного режима без изменения системы веками сложившихся отношений в традиционном сословном обществе. Понятно, что они в своей тактике по преимуществу исходили из налаживания взаимоотношений с верховной властью и в какой-то мере с ее представителями в центральном и местном административном аппарате. Поэтому в качестве главных коммуникаций с властью они использовали адреса, петиции, личные аудиенции, в ходе которых пытались донести до нее сведения о «болевых точках» и возможных средствах их «купирования» и «лечения». Длительное время консерваторы рассматривали себя в качестве «смотрящих на места», наиболее осведомленных о «симптомах заболевания» в разных сферах общественной жизни, связующих звеньев между монархом и народом. Сомнения, которые нередко посещали консерва-

тивных идеологов, легко преодолевались, стоило ими «обожаемому монарху» сделать милостивый жест в их сторону – принять делегацию их сторонников или издать очередной акт с обещаниями исправить ситуацию, внести коррекцию в проводимый бюрократической элитой курс.

Однако обострение и усложнение политической ситуации в России в конце XIX и особенно в начале XX в. (массовые движения рабочих, крестьян, студенчества, разночинцев), свидетельствующие о том, что бюрократия своими «неразумными» действиями поставила под угрозу их собственность и благосостояние, вынудили консервативные круги скорректировать свою тактическую линию. Не прекращая «игр» с верховной властью, они обратили свои взоры к народу, стремясь при помощи разного рода увещаний и демагогических обещаний привлечь его на свою сторону и направить его возмущение и гнев против своих политических противников.

Генетически связанные с верховной властью консерваторы продолжали идти в фарватере ее политического курса, хотя в душе далеко не всегда были согласны с ним. Так, им пришлось согласиться с введением законосовещательного, а затем законодательного народного представительства, принять участие в избирательных кампаниях в Государственную думу, создать там свои партийные фракции, принять участие в формировании различных думских блоковых объединений.

Помимо властных структур, консерваторы активно сотрудничали с разного рода дворянскими организациями, входили в их руководящие органы, участвовали в работе съездов «Объединенного дворянства», создавали свои группировки в органах местного самоуправления. Одновременно они стремились «начертить» демаркационные линии между собой и либералами, и особенно социалистами. Если с первыми (особенно с представителями правого крыла либерализма – октябристами) у них сохранялись «точки соприкосновения», то с левыми либералами – кадетами, которых консерваторы считали своими непримиримыми политическими противниками, они не церемонились, подставляя им подножку при каждом удобном случае. Социалистов всех мастей консерваторы считали своими врагами и использовали в борьбе с ними все возможные способы не только идеологической борьбы, но и откровенно насильственные приемы в виде погромов и индивидуального террора.

В острых дискуссиях шла выработка тактической линии в либеральной среде. В соответствии с наличием в либерализме трех идейно-политических направлений – правого, «центра» и леворадикального – можно говорить о наличии трех тактических линий, которые

в зависимости от совокупности объективных факторов (расстановка политических сил на арене освободительной борьбы) могли то сближаться, то расходиться. Что касается представителей правового крыла либерализма, то они довольно длительное время надеялись на реформы «сверху», вступали в переговоры с представителями власти, сотрудничали с некоторыми идеологами консерватизма, делали ставку на мирный выход из кризисной ситуации. Неслучайно они при всяком удобном случае готовы были на аудиенцию у монарха, на встречи с царскими министрами, представителями центральной и местной администрации, чтобы в их ходе «довести до сведения монарха», «предупредить» власти о той или иной проблеме, «порекомендовать» им скорректировать курс. Они выражали готовность принять участие в правительственных комиссиях, разработке законодательных актов и предложений, которые, по их мнению, будут способствовать мирному выходу из кризисной ситуации.

Вместе с тем, разделяя принципы неославянофильской идеологии, правые либералы все же предпочитали учитывать изменения, произошедшие в ходе Великих реформ 1860–1870-х гг., прежде всего речь шла о местном самоуправлении. В нем они усматривали, то «зерно», брошенное в исконно русскую почву, которое рано или поздно «созреет» и даст плоды. Речь шла о реализации мечты славянофилов и их последователей о достижении гармонии между монархом и народом через введение народного представительства (Земский собор). На пути к этому конечному пункту движения правые либералы выражали свое согласие на промежуточные «перевалочные пункты» (участие в правительственных комиссиях, введение своих представителей в Государственный совет, законосовещательное народное представительство типа «булыгинской думы» и, наконец, законодательное народное представительство). Образно говоря, правые либералы, как, впрочем, и консерваторы, готовы были идти за столь любимой ими верховной властью в огонь и в воду. Вместе с тем они делали ставку на расширение прав и компетенций органов местного самоуправления (распространение на всю территорию России, введение мелкой земской единицы), которые, по их мнению, должны стать локомотивами развития всех сфер народной жизни.

В отличие от своих правых коллег, либералы-радикалы настаивали на более активной и решительной тактике поведения по отношению к власти. Не являясь принципиальными противниками политической революции, левые либералы подхватили леворадикальный политический лозунг «Долой самодержавие», а после Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. некоторые из них прямо заговорили о террористическом акте против Николая II. Не возражая против попыток

своих коллег справа продолжать поиски «общего языка» с верховной властью, хотя и сомневались в их благоприятном исходе, левые либералы предпочли сделать ставку на массовые движения, рассчитывая на то, что таким путем они быстрее добьются результатов. В эту логику вполне укладывались их попытки установить контакты с социалистами (Парижская конференция «освобожденцев», в которой приняли участие представители русских и национальных социалистических группировок, в октябре 1904 г.), наладить совместные периодические издания за границей, организовать их переправку в Россию, осуществлять совместный сбор денежных средств на поддержку массовых выступлений.

Не отрицая необходимости агитационно-пропагандистской работы в земской среде, левые либералы активизировали свою деятельность среди рабочих, представителей средних городских слоев, принимали участие в создании разного рода общественных организаций. Все эти мероприятия преследовали определенную цель – овладеть массовым движением и по возможности направить его в мирное русло борьбы за введение конституционного режима. На этом поприще левые либералы становились конкурентами социалистов, которых (вплоть до 1906 г.) рассматривали в качестве своих «друзей» и «союзников» в борьбе против самодержавного режима.

Промежуточную тактическую позицию занимали либералы-центристы, которые, с одной стороны, не торопились разрывать связь с правыми либералами, с другой – пытались несколько умерить пыл «освобожденцев».

В целом уже в протопартийный период в лагере либеральной оппозиции просматриваются различные тактические линии, которые были подвижными и зависели от изменения расстановки идейно-политических сил в общественной мысли и общественном движении. И все же, если попытаться определить основной вектор эволюции либеральных тактик, можно констатировать полевение в либеральном спектре общественных сил. Логика развития общественного движения на рубеже позапрошлого и прошлого веков вела к сужению поля деятельности правых либералов, тактика которых была «привязана» к позиции власти; к некоторому расширению тактических возможностей «центристов» и утверждению лидирующего положения левых либералов.

Разумеется, что и для социалистического спектра общественного движения было характерно наличие различных тактических линий. Общими их лозунгами были «Долой самодержавие», республиканский политический режим, радикальная демократизация всей системы общественных отношений. Лозунг «Долой самодержавие» устанавливал границу между социалистами, с одной стороны,

и консерваторами, правыми либеральным спектром, иногда либералами-центристами – с другой. Вместе с тем этот лозунг, разделяемый левым крылом либерализма, вселял надежду на возможность сотрудничества с ними, по крайней мере в период совместной борьбы против самодержавного режима. На пути к достижению этой цели было известное совпадение и на промежуточных этапах. Например, даже ортодокс марксизма В.И. Ленин на раннем этапе соглашался с требованием созыва Земского собора. Однако между либералами и социалистами имелись разногласия в определении путей достижения в России не только социальных, но и политических свобод. Эти расхождения были и в определении места и роли массовых движений. Если либералы хотели овладеть ими и направить в мирное русло большой конституционной реформы, то социалисты стремились связать воедино политическое и социальное освобождение масс. В этой логике социалисты основную ставку делали на работу среди масс, которыми также хотели «овладеть», но в своих интересах, для «расчистки» пути к своей конечной цели – социализму. Либералы же стремились ограничиться конституционными реформами, позволяющими установить в стране демократический режим, законодательно закрепить права граждан, сформировать законодательное народное представительство и при его помощи начать разработку и поэтапные социальные преобразования. Для социалистов введение конституционного режима было важным этапом перехода к новому – социалистическому – этапу развития революционного процесса. В отличие от консерваторов и либералов, социалисты делали ставку на массы, развернув среди них пропаганду и агитацию, стремясь привлечь на свою сторону, направить в соответствующее русло их стихийную энергию. В конечном счете социалисты, взяв инициативу в свои руки, опередили своих политических противников и конкурентов в борьбе за массы и лишили их массовой опоры и поддержки в достижении стратегических и тактических целей.

Разумеется, среди социалистов существовали тактические разночтения, обусловленные разным видением текущих и перспективных целей и конкретных задач. Так, социал-демократы делали ставку на рабочий класс, который, по их мнению, в силу его места в системе капиталистических отношений должен был играть ведущую роль в деле политического и социального освобождения трудящихся. Радикальная часть социал-демократии отводила рабочему классу роль гегемона не только на социалистическом, но и на демократическом этапе революционного процесса в России. Более умеренная часть социал-демократии считала, что рабочий класс на демократическом этапе должен выступать совместно с представителями либеральной

демократии, ибо именно в их руки должна перейти политическая власть. Подчеркивая объективную необходимость длительного существования капитализма, очищенного в результате демократической революции от разных феодальных и полуфеодальных наслоений прошлого, социал-демократы радикального толка (большевики) придерживались иной оценки места и роли либеральной буржуазии, считая ее отсталой, крепко связанной с традиционными отношениями и вследствие этого неспособной идти на глубокие демократические преобразования. Разная оценка места и роли социальных страт в революционном процессе со временем все больше отдаляла друг от друга радикальную и умеренную части российской социал-демократии. Недаром те и другие заявляли о наличии двух тактических линий в российской социал-демократии, а в 1912 г. разделились на две самостоятельные партии.

Процесс выработки тактики среди неонародников был сложен и противоречив из-за, во-первых, их теоретической системы представлений о двух типах развития капитализма в России; во-вторых, концепций «трудового народа»; в-третьих, оценок места и роли радикальной части либералов, взаимодействие с которыми не исключалось, а предполагалось на этапе политической революции и последующих демократических преобразований. В этом смысле у неонародников было намного больше общего с умеренными социал-демократами, чем с радикальной частью социал-демократии.

Как видим, исходные теоретические посылки трех направлений общественной мысли и общественного движения с неизбежностью влекли разработку ими различных тактик. При этом важно иметь в виду, что число тактик значительно превышало количество теоретических моделей. По мере углубления кризиса в империи инициативные меньшинства, разделявшие разные подходы к его разрешению, в возрастающей степени видели друг в друге конкурентов в борьбе за лидерство. Все это не могло не сказаться и на процессе изменения их расплывчатых организационных форм в более определенные, что позволило завершить процесс самоидентификации и стать узнаваемыми в условиях обострения борьбы за определение путей и методов борьбы за дальнейшие судьбы Российской империи.

4. Поиск адекватных форм самоорганизации

В историографии раскрыты сложные и противоречивые процессы возникновения и формирования разного рода протопартийных (салоны, кружки, союзы) и собственно партийных структур, дей-

ствовавших на рубеже XIX–XX вв. в России и эмиграции. При этом сделан акцент на изучение т. н. интеллектуальных лабораторий, в рамках которых представители разных направлений общественной мысли разрабатывали программные, тактические и организационные проблемы. Речь идет о газетах «Искра», «Революционная Россия» и журнале «Освобождение»¹². Исследовательского внимания заслуживают монографии, посвященные трем интеллектуальным кружкам: «Беседа», «Русское собрание», «Союз освобождения»¹³. Анализ введенного в научный оборот огромного фактического материала позволяет говорить о следующем.

Поисками адекватных вызовам времени организационных структур первыми занялись представители народнического и марксистского направлений общественного движения. Ими был обобщен опыт деятельности социалистических партий II Интернационала, которые послужили образцом для создания собственных партийных структур. Крайне важным и поучительным был опыт деятельности таких организаций, как «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля», «Освобождение труда», «Партия Народного права», а также революционных кружков, действовавших в 1870–1890-е гг. в России и эмиграции¹⁴. При этом исследователи обратили внимание на изменение народниками организационных форм и методов деятельности в зависимости от конкретной ситуации. Так, после неудачного хождения в народ представителей радикальной молодежи, убежденных в том, что им удастся в кратчайшие сроки распространить крестьянские массы и превратить их движение в общенародное восстание против самодержавного режима, народники довольно оперативно скорректировали как формы, так и методы агитационно-пропагандистской деятельности в массах. После «процесса 193-х», исключившего из народнических рядов многих активных пропагандистов и агитаторов, оказавшихся в тюрьмах и ссылках, были испробованы иные организационные формы и методы практической деятельности. Одна часть народников, продолжавшая делать ставку на крестьянские массы, перешла от «летучей» агитации к «поселенческой» пропагандистской деятельности, не оставляя надежд на «раскачку» традиционного крестьянского сознания и подготовку всероссийского крестьянского восстания. Другая часть народников сосредоточила агитационно-пропагандистскую деятельность в среде городских рабочих. Были созданы «Северный союз русских рабочих» и «Южный союз русских рабочих»¹⁵. Небольшая радикально настроенная часть народников приступила к созданию законспирированных организаций, приступивших к подготовке террористических актов против царя и крупных сановников. Однако после царе-

убийства 1 марта 1881 г., вписавшего имена народовольцев в историю в качестве революционных мучеников, оставшиеся на свободе либо были вынуждены уйти в глубокое подполье, либо эмигрировать за границу. В эмиграции «народовольцы» и «чернопеределцы» приступили к поиску более рациональных организационных форм объединения своих сторонников. В 1883 г. в Женеве по инициативе небольшой группы бывших народников была создана первая марксистская группа «Освобождение труда» во главе с Г.В. Плехановым, приступившая к распространению марксистских идей в России¹⁶. В ряде крупных российских городов возникли марксистские кружки – Д. Благоева, П. Точисского, М. Бруснева (Петербург), Н. Федосеева (Казань). В 1895 г. был основан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге. «Союзы борьбы» появились и начали активно действовать в Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве, Екатеринославе, Одессе, Харькове, Самаре, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону. Все это свидетельствовало о том, что марксистские идеи «укореняются» на российской почве, растет число тех, кто их разделяет и пропагандирует. В марте 1898 г. была предпринята попытка объединения социал-демократических кружков в партию на съезде в Минске, на котором присутствовали всего 9 делегатов от местных социал-демократических организаций. Им удалось наметить программные и организационные контуры будущей партии, избрать ее руководящий орган – ЦК из трех человек¹⁷. Однако последовавшие за съездом аресты, в том числе и двух членов ЦК, привели к нарушению деятельности многих местных социал-демократических организаций и связей между ними. Официально провозглашенное создание партии на I съезде РСДРП еще не означало преодоления «кружковщины» в рядах социал-демократии. Реальное преодоление «кружкового периода» произошло почти пять лет спустя, на II съезде РСДРП, в эмиграции (часть заседаний прошла в Брюсселе, заключительные заседания – в Лондоне). По самым приблизительным подсчетам исследователей, численность РСДРП накануне Первой российской революции не превышала 7–8,5 тыс. чел.

Наряду с марксистами активно включились в создание собственных организационных структур представители неонародничества. В 1893 г. в Берне возник Союз русских социалистов-революционеров, в 1895 г. в Саратове был создан Союз социалистов-революционеров, деятельность которого вскоре перенесли в Москву. Подобного рода неонароднические кружки возникли в это же время в Воронеже, Минске, Одессе, Пензе, Петербурге, Полтаве, Тамбове, Харькове. В 1899 г. в Минске образовалась Рабочая партия политического освобождения России. Кружки социалистов-революционеров появились в Томске и Ярославле. В 1900 г. в Париже В.М. Чернов основал

«Аграрно-социалистическую лигу». За границей был налажен выпуск газеты «Накануне» (Лондон, 1899) и журнала «Вестник русской революции» (Париж, 1901), с начала 1901 г. стала выходить газета «Революционная Россия».

Повальные аресты весной 1900 г. привели к ликвидации многих местных организаций социалистов-революционеров и свели к минимуму возможности формирования партийных организационных структур. Лишь после бернских переговоров в декабре 1901 г. между М.Ф. Селюк, Е.Ф. Азефом и Г.А. Гершуни, длившихся несколько дней, был решен вопрос об объединении их в общероссийскую Партию социалистов-революционеров. В течение 1902 г. к новообразованной партии примкнула Рабочая партия политического освобождения России, возникшая 1899 г. на северо-западе России. В 1900 г. о своем объединении заявил ряд эсеровских организаций на юге России. По ориентировочным подсчетам исследователей, в Партии социалистов-революционеров накануне Первой российской революции было свыше 40 комитетов и групп, объединявших приблизительно 2–2,5 тыс. чел.¹⁸ Как видим, социал-демократы и неонародники одними из первых приступили к формированию собственных партийных организаций, опередив либералов и консерваторов.

Либеральные организационные структуры (Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов) конституировались в 1903 и 1904 гг. соответственно. Годом ранее за границей начал издаваться журнал «Освобождение»¹⁹, ставший, как и социал-демократическая газета «Искра» и газета социалистов-революционеров «Революционная Россия», своеобразным интеллектуальным «полигоном» для разработки и обсуждения многочисленных проектов и вариантов преобразования России. По подсчетам К.Ф. Шацилло, число участников этих двух либеральных союзов не превышало 1,5 тыс. чел.²⁰

В эти же годы быстрыми темпами разворачивалась деятельность кружка «Беседа», созданного в 1902 г. по инициативе известных общественных деятелей, с одной стороны, связанных с земскими кругами, с другой – поддерживающими постоянные контакты с освобожденцами, а при их содействии и с более радикальными элементами. Периодические заседания кружка «Беседа» представляли собой своеобразную интеллектуальную площадку, на которой шел обмен информацией, обсуждались насущные проблемы общественной жизни, планировались различные издания на злободневные темы, которые издавались как в России, так и за границей. Всестороннее освещение деятельности кружка «Беседа» и «Союза освобождения» и их вклада в формирование либерального общественного мнения в России содержится в фундаментальных исследованиях К.А. Соловьева²¹.

В это же время к консолидации разрозненных сил в земской среде активно подключился председатель Московской земской управы, один из авторитетнейших земцев, имевший собственную систему представлений о путях преобразования России, Д.Н. Шипов²². В Москве, Нижнем Новгороде (во время всероссийской ярмарки) по инициативе Шипова проводились совещания земских деятелей, на которых обсуждалась ситуация в стране, различные умеренные варианты назревших преобразований во многих сферах жизнедеятельности. По подсчетам Н.М. Пирумовой, в земской среде на рубеже позапрошлого и прошлого веков насчитывалось примерно 300 чел., разделявших либеральные взгляды²³.

В это же время активизировало свою деятельность консервативное аристократическое «Русское собрание», в центре внимания участников которого были те же вопросы оценки политической ситуации в стране и дискуссии о путях выхода из кризиса. Деятельность этой организации подробнейшим образом освещена в фундаментальной монографии Ю.И. Кирьянова²⁴.

Какие же факторы вызвали столь бурную интеллектуальную и организационную деятельность всех без исключения направлений общественной мысли и общественного движения в России?

Важной, если не определяющей, причиной такой активизации деятельности социал-демократов, социалистов-революционеров, либералов и консерваторов стали начавшиеся массовые выступления рабочих, крестьян, студенческой молодежи против самодержавного режима, который, кроме всего прочего, втянул страну в кровопролитную войну с Японией. В это время лозунги «Долой самодержавие» и «Созыв Учредительного собрания» стали общими для социалистических и радикальных либеральных кругов российской общественности, стремительно включавшейся в освободительную борьбу против самодержавия. Начало массовых движений и поражения русской армии на Дальнем Востоке обострили политическую ситуацию в России. Все это и способствовало активизации деятельности социалистов, либералов и консерваторов. Правда, следует отметить, что степень активности разных направлений общественного движения была разной. Каждое из направлений предпочитало ориентироваться на собственную среду.

Социал-демократы и неонародники предпочитали вести пропаганду и агитацию среди крестьян и рабочих. Либералы правого толка пытались найти свою нишу преимущественно в земской среде. Однако их левое крыло («освобожденцы») значительно расширили свои контакты в различных слоях демократической интеллигенции, студенчества, а также среди умеренных неонароднических и соци-

ал-демократических элементов. В октябре 1904 г. «освобожденцы» приняли участие в конференции оппозиционных и революционных организаций в Париже, на которой были приняты протокол и декларация о совместных выступлениях против самодержавия. Выявленный и проанализированный К.Ф. Шацилло комплекс материалов данной конференции позволяет раскрыть наличие «общего» и «особенного» у оппозиционных и особенно революционных организаций, которые приняли участие в данной конференции²⁵, с одной стороны, и у тех, кто высказал намерение принять участие в этом форуме, а затем отказался, – с другой. Это свидетельствовало о наличии принципиальных расхождений между ними по всему спектру теоретических, программных и тактических вопросов. Ее участники всячески подчеркивали сохранение автономности каждой из участвовавших в конференции партийных организаций, и поэтому им с большим трудом удалось зафиксировать в самом общем виде ряд общих принципов: «1. Уничтожение самодержавия; отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии. 2. Замена самодержавного строя свободным демократическим режимом, на основе всеобщей подачи голосов. 3. Право национального самоопределения; гарантированная законами свобода национального развития для всех народностей; устранение насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям»²⁶. Однако эта попытка консолидации оппозиционных и революционных сил оказалась неудачной. Каждая партия – участница конференции предпочла идти своим путем.

Следует подчеркнуть, что выбор соответствующей «социальной полочки» был обусловлен мировоззренческими и идейно-политическими предпочтениями каждого из направлений общественного движения. Консерваторы продолжали ориентироваться на верховную власть и ее социальную опору – поместное дворянство. В ходе бурных дискуссий неославянофилы, земцы-конституционалисты и консерваторы подошли к проблеме образования собственных партий. Для консерваторов и неославянофилов был неприемлем европейский термин «партия». По их мнению, более подходящим для российской ментальности является термин «союз», отражающий свойство русского народа сообща и мирно разрешать проблемы. Однако вопросы, которые выводили на проблему власти, государственного устройства, собственности, решить традиционными организационными методами было практически невозможно.

Характерно, что даже представители правого крыла либерализма заговорили о необходимости создания своей, но не общественной, а именно политической организации. Согласившись с введением в политический лексикон западноевропейского термина «партия», они

тем не менее считали, что деятельность политических партий в России должна носить не постоянный, а временный характер – до момента введения законодательного народного представительства, после чего они должны сойти с политической арены. Либералы-центристы и особенно радикалы настаивали на формировании политических партий западноевропейского парламентского типа. В вышедшей недавно монографии К.А. Соловьева пошагово раскрыт сложный процесс формирования «Союза освобождения».

Можно не сомневаться в том, что дискуссии по программным, тактическим и организационным вопросам в рядах российской общественности продолжались бы, образно говоря, до греческих календ, если бы не начавшаяся в январе 1905 г. революция. Первая российская революция стала фактором, обусловившим переход от протопартийного («кружкового периода») к собственно партийному периоду общественных движений.

Как показано ранее, на протяжении всего пореформенного периода панорама общественной мысли и общественного движения была сложной и противоречивой, как и вся система отношений во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Все это вместе взятое и породило многопартийность в России, одновременно усложнив изучение этого феномена. Рассмотренные в главе проблемы показывают, что уже в протопартийный период проявились контуры трех основных типов политических партий в России, которые связаны с тремя направлениями общественной мысли и общественного движения в России. Этот общий вывод позволяет (при последующем анализе) вычленив в рамках каждого типа партий некую интегральную составляющую. Это, с одной стороны, избавляет автора от необходимости шаг за шагом рассматривать историю каждой партии, с другой – сделать акцент на их сравнительном анализе и на выявлении общего и особенного.

Примечания

¹ Из современных историографических работ по изучению проблем российской общественной мысли и общественного движения см.: Реформы в России с древнейших времен до конца XX века: в 4 т. М., 2016; Общественная мысль в России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М., 2020; Валицкий А. История русской мысли от Просвещения до марксизма. М., 2013; Гросул В.Я. Общественное движение в России первой половины XIX века. М., 2017; Политические партии России: в 3 т. М., 2022.

² См.: Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. М., 2016. Т. 2.

³ Подробно см.: Русский консерватизм XIX столетия. М., 2000; Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М., 2010; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.

⁴ См.: Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986; Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994; Андреев Н.Ю. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2014; Олейников Д.И. Классическое российское западничество. М., 1995.

⁵ См.: Арсланов Р.А. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000; Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. М., 2002; Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). М., 2004.

⁶ См.: Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-е годы XIX в. М., 1965; Он же. П.Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988; Виленская Э.С. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народничестве 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979; Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать 1864–1873 гг. М., 1994; Она же. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992; Она же. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999; Она же. Лики русской интеллигенции. М., 2007; Блохин В.В. Историческая концепция Николая Михайловского. (К анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века.). М., 2001.

⁷ См.: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (Катков и его издания). М., 1976.

⁸ См.: Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997; Исаков В.А. Поиск формулы революции: П. Н.Ткачев и народолюбие. М., 2008.

⁹ См.: Репников А.В. Консервативная концепция переустройства России. М., 2007; Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. Разд. V, VI; Нарезный А.И. Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX века. Ростов н/Д., 2014. Различные проблемы и аспекты консервативной идеологии рассмотрены в работах Ю.И. Кирьянова, А.Э. Котова, Д.А. Коцюбинского, С.В. Лебедева, И.В. Омелянчука, С.М. Саньковой, С.А. Степанова, М.Л. Размолодина, Д.И. Раскина и других отечественных исследователей. Особо следует выделить комплексное исследование: Иванов А.А. Политические партии России: в 3 т. Т. 1: Консервативные партии. М., 2022.

¹⁰ Подробно см.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. См. также исследования моих учеников: Соловьев К.А. Политические партии России. Т. 2: Либеральные партии. М., 2022; Хайлова Н.Б. Центризм в Российском либерализме начала XX века. М., 2022.

¹¹ См.: Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987. См.: Политические партии России: в 3 т. Т. 3. М., 2022.

¹² См.: Тарновский К.Н. Революционная мысль, революционное дело (Ленинская «Искра» в борьбе за создание марксистской партии в России). М., 1983; Канищев В.Ю. Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

Материалы газеты «Революционная Россия» основательно проанализированы М.И. Леоновым.

¹³ См.: Лукоянов И.В. Русское собрание (1900–1904 гг.) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998; Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917 гг. М., 2003; Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007; Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905. М., 2009; Он же. Союз Освобождения. Либеральная оппозиция в России начала XX века. М., 2021.

¹⁴ См.: Седов М.Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966; Широкова В.В. Партия Народного права. Саратов, 1972.

¹⁵ См.: Итенберг Б.С. Южнорусский союз рабочих – первая пролетарская организация в России. 2-е изд. М., 1974.

¹⁶ См.: Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984; Уткин А.И., Шелохаев В.В. Первая марксистская организация в России (к 100-летию со дня основания группы «Освобождение труда»). М., 1988.

¹⁷ См.: Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Первый съезд РСДРП (К 90-летию). М., 1988.

¹⁸ См.: Леонов М.И. Указ. соч.

¹⁹ См.: Тарновский К.Н. Указ. соч.; Канищев В.Ю. Указ. соч.

²⁰ Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне первой русской революции 1905–1907 гг. Организация, программа, тактика. М., 1985.

²¹ См.: Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905.

²² См.: Шелохаев В.В. Д.Н. Шипов. Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010.

²³ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.

²⁴ См.: Кирьянов Ю.И. Указ. соч.

²⁵ Шацлло К.Ф. Указ. соч. С. 232–252.

²⁶ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922: в 3 т. Т. 1: 1900–1907. М., 1996. С. 161.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Раздел первый. От салонов и кружков к партиям	14
Глава 1. Панорама общественной мысли и общественного движения	14
1. Интеграционные и дезинтеграционные процессы	14
2. Идейное противостояние	22
3. Вариативность тактик	34
4. Поиск адекватных форм самоорганизации	39
Глава 2. Облик общероссийских политических партий	48
1. Многопартийность как историческое явление	48
2. Уставные принципы и организационные структуры	55
3. Партийная география	66
4. Динамика численности и социального состава	82
5. Думские партийные фракции	96
Раздел второй. Модели переустройства России	113
Глава 3. Идеологические основания и целеполагания	113
Глава 4. Структура и содержание партийных программ	128
1. Права и свободы	128
2. Этнос и конфессии	133
3. Институты и структуры	160
4. Экономика и финансы	183
5. Социальные реформы	194
6. Народное образование	234
7. Внешнеполитическая доктрина	237
Глава 5. От программ к законопроектам	275
1. Гражданские и политические права и свободы	277
2. Реформирование властных институтов и общественных структур	288
3. Национальные и конфессиональные вопросы	320
4. Финансовые и экономические проблемы	325
5. Социальные проблемы	331
6. Народное образование	373
Раздел третий. Стратегия и тактика	383
Глава 6. Союзники и противники в контексте противостояния	383
Глава 7. Партии и власть	406
1. Свергать или примириться?	406
2. Тупики конституционного эксперимента	444
3. Поиски путей примирения в годы Первой мировой войны	452
Глава 8. Партии и массы	489
1. Во время «штурма» и «осады»	489
2. Сужение поля воздействия на массовое сознание	518

3. В экстремальной ситуации Первой мировой войны	542
Глава 9. Между Февралем и Октябрем 1917 г.	564
1. Переформатирование партийного пространства	564
2. Коррекция партийных программ	575
3. «Сшибка» в борьбе за власть	600
Заключение	655
Указатель имен	666

Научное издание

Шелохаев Валентин Валентинович

Многopартийность в России в начале XX века

Ведущий редактор *Е.Д. Щепалова*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Редактор *Е.А. Кочанова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 26.05.2023.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 42.
Тираж 500 экз. Заказ № 3566.

Издательство «Политическая энциклопедия»
127254, Москва, Огородный проезд, д. 14
Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79
Тел.: 8 (499) 685-15-75

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59